

культуры.¹¹⁰ В ту же главу введена и новая статья «О грамоте латинской», представляющая собой пересказ статьи Хр. Бельского о царевне Никострате, которая «сотворила письмена, рекше азбуки, с языка греческого по латинскому языку».¹¹¹ В главе 33 — «Сказание о пророце Данииле» — добавлена статья «О Афане, философе еллинском»: «При Ехонии цари иерусалимском бысть во еллинех философ Афан песнотворец, иже и лечебную хитрость позна и о воинских бранех книги написа, и те книги Александр Македонский любил и с собою их возил и часто прочитал».¹¹² Источник этой статьи, видимо, Хр. Бельского, однако текст ее сильно искажен: у Бельского говорится, что Гомер и Гесиод были «певчие и звездочетцы и лекари» и что Гомер «писал книги о делех воинских, которые книги Александр всегда носил и чел».¹¹³

Итак, античная мифология и культура, бесспорно, интересовали хрониста: он не случайно извлек все относящееся к этой теме из Хр. Бельского и сделал новые выписки из ЕЛ. Но при этом нельзя не отметить ограниченность его возможностей и малую осведомленность: для удовлетворения своего интереса составитель Хр. 1617 располагал лишь двумя уже упомянутыми источниками, причем был не в силах исправить их ошибку, а порой делал ошибки и сам, например спутав Гомера с Афаном (искажение имени Аристофан?).

Правомерен вопрос: насколько глубок был интерес книжника XVII в. к античности? Не был ли этот интерес чисто «литературно-этикетным»? В этом последнем случае имена античных философов и «песнотворцев» являлись для древнерусского книжника лишь атрибутами, олицетворениями наук, ремесел или искусств. Упоминание имен Гомера, Аристофана или Гераклита не только не могло свидетельствовать о знакомстве пишущего с произведениями этих авторов, но и не обязательно говорило о наличии у него и стремления к такому знакомству. Упоминание имен вполне могло быть своеобразной данью «культурному этикету». Семнадцатый век в истории русской культуры «принял на себя функции эпохи Возрождения».¹¹⁴ Установление степени и глубины знакомства книжников XVII в. с античной культурой позволило бы объективнее судить об одной из сторон этого знаменательного процесса.

Обратившись теперь к собственно исторической части Хр. 1617, мы обнаружим знакомые нам редакторские приемы: сокращение текста Хр. 1512 и одновременно с этим привлечение новых источников, прежде всего — Хр. Бельского. Не имеет смысла рассматривать каждое из таких изменений Хронографа. Существеннее рассмотреть то новое направление, в котором эволюционирует жанр.

На первый взгляд Хр. 1617 продолжает и даже совершенствует тот тип хронографического повествования, который был выработан редакцией 1512 года: в Хр. 1617 также последовательно, а в отдельных случаях и более подробно (ибо в поле зрения хрониста оказываются благодаря Хр. Бельского новые исторические факты) излагается история человечества. Казалось бы естественным, что составитель Хронографа, работающий в начале XVII в., перешагивает тот временной рубеж, на котором остановился его предшественник,¹¹⁵ и доводит изложение собы-

¹¹⁰ Там же, л. 91 об.

¹¹¹ Там же, л. 94—94 об.

¹¹² Там же, л. 144.

¹¹³ Хр. Бельского. БАН, Арханг. собр., Д 422, л. 223.

¹¹⁴ Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 301.

¹¹⁵ Характерно, что в Хр. 1599 и Хр. 1601 изложение оканчивается, как и в Хр. 1512, рассказом о падении Константинополя.